

Стахановское движение.

Его реальное значение и бюрократические извращения.

В ночь на 31-ое августа шахтер Донбасса, Алексей Стаханов, молодой 29-летний рабочий, выходец из крестьян, за шестичасовую смену выработал на отбойном молотке 102 тонны угля, при средней выработке от 6 до 7 тонн в смену.

В то время как лучшая средняя выработка в Европе (Польша, Рур) -- 10 тонн; а максимальная -- 16-17 тонн. С этого дня ведет свою родословную "стахановское движение".

Вскоре после этого советские газеты запестрели сообщениями о других рекордах. Кузнец Бусыгин (г. Горький) отковывает 112-127 коленчатых валов в час (кузнецы завода Форда отковывают 100 таких же валов в час). На обточке колес, при норме в 6 пар в смену, стахановец дал 12 пар, рекорд который был скоро побит: сперва 15, потом 17 и 18. На Урале на медных рудниках забойщик Иванчиков дал в смену 970% нормы, т.-е. превысил среднюю производительность в десять раз. Он заработал в этот **день** 320 рублей, т.-е. сумму почти вдвое превышающую средний **месячный** заработок советского рабочего. Текстильщицы Виноградовы перешли с 70 станков на 144. В Криворожском бассейне стахановцу-горняку удалось перевыполнить норму сперва на 2.300, потом на 2.500%! Рекорд самого Стаханова очень скоро был побит; шахтер Горбатюк выработал в смену 405 тонн угля, а несколько дней позже забойщик Борисов дал почти 800 тонн, перекрыв все рекорды и перевыполнив норму в 46 раз!

Фантастические цифры! Постараемся рассмотреть реальны ли они, где причины достигнутых результатов и какими путями они достигнуты.

Прежде всего общая посылка. За последние годы чрезвычайно выросла советская индустрия и обогатилась новой передовой техникой. Но до сих пор рост советской индустрии выражался главным образом в количественных показателях. Бесперывно росло число -- часто самых современных -- заводов и самых совершенных машин, но **выработка на машину** очень мало увеличилась вплоть до прошлого года. Другими словами, имеющаяся в наличии техника работала на чрезвычайно низком уровне и давала лишь незначительную часть того, что та же техника дает в Америке или в Германии. Именно этот чрезвычайно низкий уровень использования передовой техники и создал самую возможность такого ошеломительного подъема. Если мотор, рассчитанный на 1.000 оборотов в минуту, дает всего 100 оборотов, его сравнительно нетрудно, при нормальных условиях, довести до 1.000 оборотов, но очень трудно (и не всегда безопасно) довести его, скажем, до 1.050. Моторы советской индустрии вращались с крайней низкой скоростью. Эта разница уровней между возможностями передовой техники и чрезвычайно слабым ее охватом и явилась в сфере производства предпосылкой для стахановского движения.

Рассмотрим более подробно работу самого Стаханова. Забойщик, как рассказывает Стаханов, работал от 2 1/2 до 3 самое большее часов на отбойном молотке, а остальное время крепил, т.-е. делал вспомогательную работу, а молот оставался неиспользованным. При работе в две смены отбойный молоток работал всего 5-6 часов в сутки, вместо 12-ти. Сейчас отбойный молоток Стаханова работает полные 6 часов в смену (вместо 2 1/2), а работу крепильщика исполняют другие рабочие. Другими словами введено элементарное разделение

труда, которое сразу очень повысило производительность труда. Введен и ряд других улучшений в самый процесс производства; повышается квалификация. Но наличие подсобных рабочих вынуждает сразу внести значительные поправки к рекордам, что признал и Орджоникидзе на стахановском съезде, недавно состоявшемся в Москве. "Иногда думают один человек (Стаханов -- **Н. М.**) дал 102 тонны. Это неправда. Целая бригада дала 102 тонны". Таким образом, если разделить выработанную продукцию на все число рабочих в бригаде, то мы получим не цифры в 100 и больше тонн на рабочего, а 30-35 самое большее, что по отношению к ранее имевшим место максимальным выработкам в 14 тонн является, хотя и очень большим, но все же гораздо более скромным повышением производительности труда: в 2-2 1/2 раза, а не в 15 или 20 раз.

Другую очень существенную причину **рекордов** следует искать в том, что мы имеем дело не с средним днем в обыденных производственных условиях, но с совершенно специальной подготовкой, часто в течение довольно длительного срока, и что рекордист работает с чудовищным напряжением, на котором он, конечно, не в состоянии продержаться хоть сколько-нибудь продолжительное время.

Небезынтересно отметить, что в стахановской бригаде создана особая функция рабочего, сменяющего уставших, функция, которая по сути предполагает особое перенапряжение рабочей силы.

Таким образом, рекорды в большинстве своем созданы в совершенно особых, искусственных условиях и при помощи огромного напряжения, поэтому рекорды не только не прочны, но и не показательны в смысле перспектив поднятия **средней** производительности труда.

В большинстве своем сами рекорды носят характер **единовременный**. Недаром на стахановском съезде (14-17 ноября 1935 г.), представляя стахановца Сорокового, Орджоникидзе, как из ряда вон выходящее явление отметил: "Этот товарищ дал рекорды не в течение двух дней, а в течение трех месяцев". То, что стахановцу удалось произвести вчера, ему не удастся произвести на завтра. Общая неналаженность производства, всевозможные диспропорции внутри каждого завода, между разными отраслями промышленности и пр., и пр., основная тому причина. Бригада стахановца Сухорукова вырабатывает в один день 150 вагонов угля, на следующий день 80 и дальше по той же лихорадочной кривой ("Труд", 20-го октября 1935 года). Бригада стахановца Жукова в один день дает 80-90 тонн угля, на следующий день всего 8 тонн (меньше одной десятой!), на завтра 92 тонны, а еще через день производительность вновь падает до 20 тонн ("Труд" 24 октября 1935 г.). Причины этого -- по газетам -- простои, вызванные неисправностью мотора, плохой работой конвейера и пр., и нередко, вероятно, и переутомлением стахановца, измученного накануне. На Ленинском паровозостроительном заводе "успехи стахановцев оказались непродолжительными. Буквально через несколько дней выработка токарей резко упала. Сейчас бывают дни, когда они даже не вырабатывают нормы" ("Труд", 1 ноября 1935 г.). На произведенном среди 20 отстающих шахтеров обследовании выяснилось, что из них всего один может быть отнесен к разряду "лодырей", в отставании же остальных виновна неорганизованность производства и другие технические причины. В "Труде" от 2 ноября 1935 г. напечатаны интересные выдержки из "Дневника" стахановца-шахтера. Из этих дневников следует, что **за 15 дней** автор дневника работал всего **два полных дня**, пять дней совершенно не работал, в остальные же дни работал лишь частично и непрерывно перебрасывался с места на место: то машина не готова, то лава не подготовлена,

то нет леса для крепления, то не хватает вагонеток для отгрузки и пр., и пр. Наиболее прославившийся после Стаханова рекордист, о котором мы уже упоминали, Бусыгин, находится в таком же положении. Едва только успели газеты разнести сообщение о его рекордах (Бусыгин, де-мол, побил кузнецов Форда), как оказалось, что Бусыгин уже на следующий день "не мог работать в полную силу, молот не был как следует подготовлен". На завтра Бусыгин "два часа стоял из-за того, что администрация отделения не подготовила молота и не сменила в нем штампов". Еще через день Бусыгин простоял полтора часа и сверх того у него "начал получаться массовый брак. Оказалось, что в материальном отделе перепутали марку стали" ("Правда", 23 и 24 ноября 1935 г.). И в таком положении находится один из самых знаменитых стахановцев, работающий в исключительно привилегированных условиях. Бусыгин "всполошил весь цех", "Бусыгин поднял тревогу", "Бусыгина по цеху сопровождал начальник", Бусыгин заявляет: "У меня много замечаний, придется много перестраивать" и т. д. Все это может себе позволить Бусыгин, рядовой же рабочий и пикнуть не смеет. Начальство, конечно, боится Бусыгина и ему подобных рекордистов, ставит их в особо благоприятные условия работы, обслуживает их специально и в первую очередь. Нетрудно себе представить каково положение рядового рабочего не-стахановца. "Труд" и тот взмолился: "Не надо заниматься только теми рабочими, которые уже показали рекорды".

Мы видим снова всю нереальность рекорда Бусыгина -- как и других рекордистов, -- который якобы побил американские нормы. Если Бусыгину удалось несколько раз произвести 127 коленчатых валов в час, а кузнецы Форда производят 100, то разница в том, что они их производят каждый час, вчера как сегодня, позавчера, как завтра, другими словами, что эта **средняя** американская стандартная норма, а не **рекорд**. Бусыгин же произвел в час 127, а в следующий час может быть ни одного.

Вокруг рекордов поднят настоящий ажиотаж. Ткачиха Одинцова сообщает съезду стахановцев, что она собирается перейти на 150 станков. Рекордсменки Виноградовы кричат ей: "а мы перейдем на 208 (смех, аплодисменты)". Таких фактов много и руководящие съездом вожди тщательно развивают этот "спортивный" дух, поощряют, подзуживают и пр. Нечего и говорить, что этот ажиотаж, сопутствующий стахановскому движению, совершенно нездоровое явление, к которому масса советских рабочих не может не относиться не только совершенно отрицательно, но и враждебно. Ленин как-то отозвался о рекордах американской рационализации -- "при капитализме пытка или кунштюк". Элементы "пытки и кунштюка" имеются и в советских рекордах.

Мы уже указали на то, что рекорды не показательны для перспектив подъема **средней** производительности труда, покажем на примере шахты Стаханова, как мало они еще влияют на среднюю производительность. На этой шахте, кроме Стаханова, работает еще ряд других "перекрывших" его рекордсменов. Шахта дала 8.120 тонн угля в октябре против 8.065 тонн в сентябре, т.-е. прирост всего в 0,7%. Если же учесть не только добычу, но и подъем угля вплоть до погрузки в вагоны, то прирост будет еще меньше. В других отраслях промышленности положение сходное. При этом надо, конечно, иметь в виду, что мы находимся пока лишь у истоков движения.

Почему возникло стахановское движение.

Можно ли из сказанного заключить, что стахановское движение, -- не как отдельные рекорды, а как движение к поднятию производительности труда -- "блэф", лишено перспективы? Отнюдь нет. Мы считаем, что очищенное от рекордизма и ажиотажа, движение это имеет большое будущее. Постараемся указать основные тому причины.

Если мы указали на слабый охват новой часто могучей техники, как на основную причину самой **возможности** значительного подъема производительности труда, если мы указали, с другой стороны, на необходимость сугубо-критического подхода к рекордным результатам, то остается еще важнейший вопрос: **почему** в конце 1935 года "вдруг" возникло стахановское движение? Что послужило ему толчком? Почему оно не возникло, скажем, год или два тому назад, когда передовая техника была уже налицо? В своей исключительно плоской речи к стахановцам, Сталин дал этому явлению следующее объяснение. "Жить стало лучше, жить стало веселей. А когда весело живется, работа спорится" ("Правда", 22 ноября 1935 г.). Дело оказывается очень просто: советский рабочий подымает производительность труда от "веселости", которой осчастливил его, конечно, тот же Сталин. Молотов, который почти каждого оратора допытывал о том, почему он работает стахановскими методами, почему именно теперь, а не раньше, -- дал более реалистическую оценку: "Во многих местах непосредственным толчком к высокой производительности труда стахановцев является простой интерес к увеличению своего заработка" ("Правда", 19 ноября 1935 г.). Америку, которую не суждено было открыть Сталину, стыдливо открыл Молотов.

По всем газетным сообщениям, во всех речах стахановцев, красной нитью проходит: личная материальная заинтересованность. Это есть основной стимул стахановского движения, и именно это, и только это обеспечивает ему несомненный рост в ближайшем будущем. Эти условия личной заинтересованности были созданы лишь в самое последнее время, в связи с курсом на стабилизацию рубля, ликвидацией карточной системы и вообще нормировочного снабжения. Еще несколько месяцев тому назад денежный заработок не играл сравнительно большой роли в бюджете рабочего, который в значительной степени был построен на закрытых распределителях, на заводской столовой и пр. Большой или меньший заработок в рублях не имел большого значения в этих условиях. В новых же условиях, когда рубль становится снова "всеобщим эквивалентом" товаров, конечно, крайне несовершенным и еще непрочным, но все же "эквивалентом" товаров, конечно, крайне несовершенным и еще непрочным, но все же "эквивалентом", у советских рабочих в борьбе за высшую зарплату создался стимул к поднятию производительности труда, ибо **сдельная, поштучная плата**, повсеместно введенная в СССР, автоматически выражает в рублях рост производительности труда каждого отдельного рабочего. Начавшаяся вводиться уже давно **поштучная плата** стала доминирующей формой зарплаты в промышленности и на транспорте, даже в тех отраслях, где это вызвало трудности благодаря коллективному "бригадному" характеру труда.

В угольной промышленности, например, хотя уже существовала сдельщина, но частично так называемая бригадная сдельщина, т.-е. бригада рабочих получала жалование на бригаду, в соответствии с произведенной ею -- бригадой -- продукцией, внутри же бригады жалование делилось приблизительно поровну. Сейчас начинается перевод -- и он несомненно будет быстро завершен там, где этого еще нет -- на **дифференциальную** сдельщину, т.-е. каждый рабочий в отдельности будет зарабатывать в соответствии с произведенной им продукцией.

В той мере, как новая техника создала предпосылку стахановскому движению, поштучная плата в условиях денежной реформы вызвала это движение к жизни. И в противоречивом советском хозяйстве с элементами социализма и капитализма, стахановское движение стало не только экономически необходимым, но в известной степени -- подъем производительности труда -- и прогрессивным. Конечно, не как "подготовка условий для перехода от социализма (?) к коммунизму" (!!)" (Сталин, "Правда", 22 ноября 1935 г.), а именно в рамках существующего переходного и противоречивого хозяйства, как подготовка **капиталистическими** методами элементарных предпосылок для социалистического общества. Деньги и поштучная заработная плата в до-сталинскую эпоху категориями не только коммунизма, но и социализма никогда не считались. Поштучную заработную плату Маркс определял "как наиболее соответствующую **капиталистическому** способу производства" ("Капитал"). И только потерявший последний марксистский стыд бюрократ может этот вынужденный отход от будто бы уже осуществленного "социализма" к деньгам и поштучной оплате, а, следовательно, к усилению неравенства, к перенапряжению рабочей силы и к удлинению рабочего дня -- изображать, как "подготовку перехода к коммунизму".

Стахановское движение и дифференциация в рабочем классе.

Введение сдельной зарплаты вносит неизбежно глубокое расслоение в среду самого советского рабочего класса. Если это расслоение сдерживалось до последнего времени нормировочным снабжением -- продовольственные карточки, заводские распределители и столовые, -- то в условиях перехода на денежное хозяйство ему открыт самый широкий простор. Вряд ли в какой-либо из передовых капиталистических стран имеет место столь глубокое различие в зарплате рабочих, как ныне в СССР. Шахтер-забойщик, не-стахановец зарабатывает в месяц 400-500 руб. максимум, стахановец больше 1.600 руб. Вспомогательный же рабочий коногон получает всего 170 руб. (не стахановец) и 400 -- стахановец ("Правда", 16 ноября 1935 г.), т.-е. один рабочий зарабатывает приблизительно в десять раз больше другого. Между тем, 170 рублей вовсе не самый низкий оклад, а **средний** по данным советской статистики. Есть рабочие, которые зарабатывают 150, 120 и даже 100 рублей. Разметчик Козлов (Станкостроительный завод, Горький) за **половину** октября заработал 950 рублей ("Правда", 26 ноября 1935 г.), т.-е. в одиннадцать с лишним раз больше рабочего-коногона и в 16 раз больше рабочего, зарабатывающего 120 рублей. Ткачихи-стахановки зарабатывают 500 и больше рублей, не-стахановки 150 и меньше ("Правда", 18 ноября 1935 г.). Приведенные нами примеры не указывают крайних границ в обоих направлениях. Можно было бы без труда показать, что зарплата привилегированных слоев рабочего класса (рабочей аристократии в настоящем смысле этого слова) относится, как 20 : 1, а может быть и больше к заработной плате низко оплачиваемых его слоев.

Если же взять зарплату спецов картина неравенства становится прямо-таки зловещей. Главный инженер шахты (случайной шахты, хорошо выполняющей задания), Остроглядов, зарабатывает 8.600 рублей в месяц; и это рядовой, не крупный спец и заработок его, следовательно, не может считаться исключительным. Таким образом, спецы часто зарабатывают в 80-100 раз больше неквалифицированных рабочих и такое неравенство достигнуто теперь, через 18 лет после Октябрьской революции, почти накануне -- по Сталину -- "перехода от социализма к коммунизму"!

А к этому надо еще добавить другие бытовые привилегии стахановцев: преимущественное обслуживание путевками в дома отдыха, санатории; ремонт квартир; бесплатные места детям в детских садах ("Труд", 23-го октября 1935 г.); бесплатные билеты в кино; стахановцев бреют бесплатно и вне очереди

(Донбасс, "Труд", 1 ноября 1935 г.); бесплатные домашние учителя для стахановцев и их семей ("Труд", 2 ноября 1935 г.) и др., право на бесплатный вызов врача днем и ночью и пр., и пр.

Мы считаем, что сталинское руководство ставит стахановцев в очень привилегированное положение не только в целях поощрения к поднятию производительности труда, но и **сознательно содействует дифференциации рабочего класса**, с политической целью -- опираться на хотя и более узкую, но и более надежную базу: рабочую аристократию.

Усиливающаяся дифференциация в рабочем классе, выделение из него привилегированной верхушки, рабочей аристократии, чрезвычайно обостряют внутренние антагонизмы в самом рабочем классе. Неудивительно, поэтому, что **стахановское движение рабочей массой встречено враждебно**. Этого не в состоянии скрыть и советская печать. Враждебность принимает разные формы: от шуточек, издевательств до убийств, причем в издевательствах над стахановцами участвуют и коммунисты-рабочие и даже низшие чиновники партии и профессиональных союзов ("Труд", 3 ноября 1935 г.).

Вожди призывают к борьбе с "вредителями". Сталинский генерал-губернатор Украины, Постышев, заявляет: "Борьба с саботажниками и сопротивленцами стахановскому движению является сейчас одним из важнейших участков классовой борьбы" ("Правда", 13 ноября 1935 г.). Наместник Сталина в Ленинграде, Жданов, говорит о том же: "На некоторых предприятиях стахановское движение встретило сопротивление, в том числе и со стороны отсталых рабочих. Партия не остановится ни перед чем, чтобы смести с пути победы стахановского движения всех ему сопротивляющихся" ("Правда", 18 ноября 1935 г.).

Подействуют ли эти угрозы на рабочих? Из приводимых ниже выдержек мы во всяком случае увидим, что рабочие не склонны уступать без боя там, где вопрос идет об их жизненных интересах.

"Труд" от 18 ноября 1935 г. сообщает, что "на шахте # 5 забойщик Кириллов избил начальника участка, который требовал от него правильного крепления за забойщиком стахановцем Замстеевым". Дело в том, что применение стахановских методов в угольных шахтах привело к значительному сокращению забойщиков (например, в шахте самого Стаханова их число сократилось с 36 до 24). Хотя им и не угрожает безработица, но часть из них переведена на подсобную работу крепильщика, значительно хуже оплачиваемую. В таком положении и находился забойщик Кириллов.

В том же номере "Труда" рассказывается, как двое рабочих "вели злостную агитацию против стахановских методов. Дягтирев подговорил крепильщика бригады стахановца Курличева не работать. В результате работа на участке сорвана". Стахановцы жалуются, что только когда "есть надзор, работа идет" ("Труд", 24 сентября 1935 г.). В Одессе на заводе тяжелого машиностроения токарь Поляков набросился на стахановца Коренного с железным брусом. Поляков исключен из союза, выгнан с работы, над ним предполагается устроить показательный суд ("Труд", 23 октября 1935 г.). В Мариуполе, на заводе Азовстали двое рабочих, Чистяков и Хоменко приговорены к 4 и к 2 годам тюрьмы за угрозу убить стахановца-бригадира. На заводе "Красный Штамповщик" стахановка-работница нашла на своем станке грязный веник с прикрепленной запиской: "Т.

Белой за выполнение трех норм преподносится букет цветов" ("Труд", 1 ноября 1935 г.). Шесть дней понадобилось, чтобы установить "виновных". В их числе оказался и профорг Муравьев. Они сняты с работы. Высшее начальство требует передачи дела суду. "Труд" от 12 ноября 1935 г. сообщает, что "рабочие текстильщики, перешедшие на уплотненную работу, встретили и встречают большие препятствия. Классовая борьба (!) напоминает о себе на каждом шагу". Небольшой пример: и"Открыли окна и выпустили всю влагу, помещение загрязнили до предела". На другой фабрике "у десятков станков челночные коробки смазали мылом. За всем этим мы видим вредительские действия. На фабрике "Большевик" над работницей Одинцовой, работающей на 144 автоматизированных станках, обнаглевший враг (т.-е. тот же рабочий. -- М. Н.) издевался самым откровенным образом". Работница-стахановка рассказывает, как над ней издеваются: "ко мне подходили с такими словами: Как ты похудела, да побледнела, разве тебе жизни не жаль".

"Известия" от 28 октября рассказывают, как в бараке # 25 Картонажной фабрики в Москве, рабочие Холмогоровы, отец и сын, "укоряли стахановца Соловина в том, что он своей работой в конце концов добьется снижения расценки Холмогоровы подговорили живших вместе с ними рабочих Наумова и Непекина и те подожгли в ногах у спавшего Соловина бумагу. В результате этого зверского преступления Соловин получил серьезные ожоги. Преступники арестованы".

На заводе "Авиахим" рабочий Крыков систематически перевыполнял норму, в то время как рабочие высшего разряда вырабатывали меньше, чем он. "14 октября все стало ясно. Карпов передал Крыкову следующую записку: Товарищ Крыков, ты не гони так шибко и не превышай норму, а проси еще расценки". Крыков пожаловался администрации и рабочий Карпов был сперва уволен и после раскаяния восстановлен со строгим выговором ("Правда", 31 октября 1935 г.). В том же номере "Правды" сообщается, что в Смоленске "отсталые рабочие начали травить стахановца токаря Лихорадоваи Дело дошло до того, что некто Свиридов сломал шестерню и оборвал ремни на Лихорадовском станке". Сам Лихорадов рассказывает ("Правда", 17 ноября 1935 г.): "Когда я сделал 7 штук бандажей (т.-е. значительно перевыполнил норму. -- Н. М.) в цеху поднялась такая история, враждебные элементы были готовы меня просто съесть".

Рабочих, сопротивляющихся стахановскому движению советские газеты называют "аварийщиками", способствующими авариям и поломкам механизмов: "аварии и поломки механизмов -- излюбленное средство борьбы против стахановского движения" ("Труд").

"Правда" от 3 ноября 1935 г. сообщает, что в Тамбове четыре рабочих-стахановца "придя на работу, обнаружили, что их инструментальные ящики взломаны, инструменты похищены".

Об остроте борьбы говорит и то обстоятельство, что в отдельных, к счастью редких, случаях, она принимает характер террористических актов. "25-го октября вечером убит лучший ударник, слесарь завода "Труд" И. Шмыреви Преступники арестованы" ("Правда", 29 октября 1935 г.). Через несколько недель "Правда" сообщает о том, что "военный трибунал приговорил убийц стахановца Шмырева к расстрелу". На шахте "Иван" Макеевугля, лучший стахановец Николай Цехнов убит "чтобы сорвать перевод участка на стахановскую системуи Преступники арестованы" ("Известия", 30 октября и 2 ноября 1935 г.).

Мы уже упоминали о том, что стахановцы часто работают за счет своих соседей-рабочих. "Труд" от 23 октября 1935 г. сообщает: "Стахановец загружен работой, а его сосед простаивает". И в другом месте: "Успехи стахановцев потребовали сокращения рабочих на некоторых участках, началась новая борьба". Шура Дмитриева, стахановка, прямо заявила председателю завкома: "Неприятно мне. Либо добейся работы для всех, либо добейся сокращения, иначе перестану так работать". Нетрудно представить себе какое в этих условиях царит настроение на заводах. Мастер фабрики "1-го Мая" (Ленинград) Солдатов говорит: "Когда не было стахановцев, то и простоев не было, а вместе со стахановцами появились простои" ("Труд", 24 октября).

Мы привели так много газетных выдержек, чтобы показать всю остроту борьбы внутри рабочего класса вокруг стахановского движения. Если стахановское движение не грозит пока советскому рабочему безработицей -- бурно растущая промышленность пока в состоянии поглотить все освобождающиеся рабочие руки -- то оно грозит ему простоями, переводом в подсобники, физическим перенапряжением, снижением зарплаты, и пр., и пр. Дальнейшее расслоение рабочего класса означает усиление экономического неравенства и розни.

Абсурдно было бы думать, что большинство или хотя бы значительная часть рабочего класса сможет стать стахановцами. Рост зарплаты стахановцев уже сейчас несомненно является объектом беспокойства бюрократии. Занятая стабилизацией советской валюты, она не может "швыряться" рублем. Сталин открыто провозгласил, что нужно пересмотреть нынешние технические нормы "как не соответствующие действительности, они отстали и превратились в тормазы. Необходимо их заменить новыми, более высокими техническими нормами", которые "нужны кроме того для того, чтобы отстающие массы подтягивать к передовым". Достаточно ясно. Новые нормы эти должны по Сталину "проходить где-нибудь по середине между нынешними техническими нормами и теми нормами, которых добились Стахановы и Бусыгины" ("Правда", 22 ноября). А за подъемом технических норм вскоре несомненно последует снижение расценок, т.е. удар по заработной плате. На ряде предприятий расценки были снижены директорами немедленно же после первых рекордов стахановцев. Это чует советский рабочий, это тревожит его, и он ищет путей к самообороне и протестует по своему, как мы это видели, из приведенных фактов.

Очень вероятно, что мы стоим в СССР накануне серьезных экономических оборонительных боев рабочего класса. Борьба эта неизбежно будет иметь, по крайней мере в начале, партизанский и разрозненный характер. Рабочий класс в Советском Союзе не имеет своих профессиональных союзов, не имеет партии. Та совершенно выродившаяся бюрократическая организация, которая именуется профсоюзами, самими бюрократами (из других ведомств) признается совершенно обанкротившимся привеском к хозяйственным организациям. Это признание теперь делается открыто в советской печати.

Вопросы защиты профессиональных интересов рабочего класса приобретают в СССР в самом близком будущем огромное значение. Рабочие будут неизбежно стремиться создавать **свои** организации, пусть чрезвычайно примитивные и кустарные, но все же способные защищать прямые интересы рабочих в области рабочего дня, отдыха, отпусков и заработной платы и поставить преграду нажиму бюрократии по линии интенсификации под флагом стахановского движения и под иными флагами.

Задача большевиков-ленинцев помочь рабочему классу СССР в этой борьбе с чудовищными бюрократическими извращениями в области повышения производительности труда. Надо, в частности, помочь передовому советскому рабочему -- на основе активного участия в повышении экономического могущества страны -- правильно сформулировать, выдвинуть и популяризировать в массах основные требования-лозунги, своего рода программу-минимум в защиту интересов рабочего класса от бюрократии, ее произвола, насилий, привилегий и коррупции. Весьма вероятно, что на основе промышленных успехов и известного повышения жизненного уровня масс, по крайней мере их верхних слоев, -- повышения крайне отстающего от промышленного роста, -- советский рабочий именно с этого конца, т.-е. с защиты своих элементарных экономических интересов, приобщится снова к политической борьбе. Тогда перед Октябрьской революцией откроется перспектива возрождения.

Н. Маркин.
12-го декабря 1935 г.